

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 55 (4180)

Вторник, 10 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЕСТЬ У МИХАИЛА ЛУКОНИНА СТИХОТВОРЕНИЕ О ТОМ, КАК В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ ШЕЛ БОЙ В ЗНАНИИ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА:

К суфлерской будке старшина
Припал
И бил во тьму.
И
история сама
Суфлировала ему.
Огнем подерживая нас,
В боку зажимая боль,
Он без позы и без прикрас
Сыграл
великую
роль.

Обончилась война. Проходя мимо отстроенного заново театра и вспоминая дни боев, поэт размышляет о высоком призвании нашего искусства:
Я шел
и шел,
и думал о тех,
Кому на сцене жить,
Какую правду
и в слезы,
и в смех
Должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
Какие нужны слова,
Чтоб после подвига старшины
Искусству
вернуть
права!

Мы вспомнили это стихотворение не только потому, что вчера исполнилось пятнадцать лет со дня Победы и сейчас особенно свежа память о военном подвиге нашего народа. Мы вспомнили его прежде всего потому, что сейчас, как никогда, героическое время требует героического слова.

В самом деле, какие нужны слова, чтобы воспеть великие свершения нашей эпохи, героический подвиг советского народа, строящего коммунизм! Какие нужны слова, чтобы рассказать о людях, завоевавших космос и поднявших пелену, строящих сотни тысяч новых жилых домов, не жалеющих труда для того, чтобы в стране было изобилие молока, мяса и других продуктов питания! Какие нужны слова, чтобы рассказать о Валентине Гагановой, о четырех молодых солдатах, оказавшихся победителями в смертельной схватке с разбухавшей стихией! Какие нужны слова, чтобы рассказать о тех, кто неуспешно стоит на вахте мира, о тех, кто все силы свои отдает благородному делу спасения человечества от трагедии ядерной войны!

И разве не к нашим дням, не к сегодняшней нашей литературе обращены слова великого Горького, сказанные им на собрании комсомолец:

«Перед новыми талантами встает задача: отобразить в литературе героя — чужесного, небывалого даже в сказке, героя, который хочет переступить мир...»

Перед вами стоит задача — показать первого героя, собрав в одном человеке все достоинства большого коллектива. Это будет великая слава типа, покаяние, пожалуй, чем создавал когда-то и Шекспир».

Это было сказано свыше тридцати лет тому назад. А сколько великого совершил наш народ за это время! Какими свершениями всемирно-исторического масштаба отмечены последние годы жизни Советской страны! Как возмужал и вырос советский человек!

Горький отдавал себе отчет в том, что рассказать о новом человеке, человеке коммунистического будущего сможет только мастер, только тот, кто в совершенстве владеет искусством художественного отражения действительности. Ведь для того, чтобы изобразить человека-великана, создать тип шекспировской силы, писатель должен философски осмыслить материал действительности, художественно обобщить весь опыт эпохи и воплотить его в чеканных, совершенных формах, — он должен во всем стать вровень с веком. Ведь показать героя — это не значит сообщить читателю перечень фактов его биографии. Это не значит даже достоверно рассказать о его делах и подвигах. Показать героя — это значит раскрыть внутренние мотивы его поступков, его гуманизм, его пламенную веру в торжество великих идей коммунизма. Глубокого смысла исполнены слова Н. С. Хрущева, сказанные им на митинге в Станице Вешенской:

«Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идейные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма».

В последнее время наша литература все активнее вступает в самую гущу современности. Еще больше укрепилась связь писателей с трудовой жизнью народа. Советские литераторы день ото дня яснее и глубже осознают меру своей ответственности перед временем, перед Коммунистической партией, перед народом. С высоким званием писателя в нашей стране прочно связано представление о человеке, всегда находящемся на переднем крае нашей борьбы. Так было в годы первых пятилеток. Так было в суровые годы Отечественной войны. И сейчас наших писателей можно видеть на строительстве Братской ГЭС и Каракумского канала, у летчиков-испытателей и болельщиков, в геологических экспедициях и в цехах заводов. Весь почерпнутый литераторами запас впечатлений, остро подмеченные ими черты нового, глубокого постижение ими современных конфликтов находят и, без сомнения, будут находить отражение в книгах наших писателей.

Однако литература все еще не удовлетворяет возросшие духовные запросы нашего современника. Она не всегда соот-

ветствует уровню его этической и эстетической требовательности.

Все это так, и все это не может не вызывать и вызывает у наших писателей чувство беспокойства и неудовлетворенности — чувство, без которого немислимо подлинное творчество, движение вперед. Споры нет, те высокие требования, которые наш читатель предъявляет сегодня к литературе, справедливы. Но, когда на этом основании некоторые оригиналы бесшабашно и беспартийно заявляют, что в наш век — век атома, спутников и кибернетики — искусству приходить конец, следует самым решительным образом возразить им.

Можно ли говорить об отрицании искусства в эпоху, когда в расцвете творческих сил находятся такие художники, как Шолохов и Леонов, Твардовский и Шостакович, Сарьян и Уланова? А разве не стали духовными спутниками поколений герои Николая Островского и Александра Фадеева, Дмитрия Фурманова и Аркадия Гайдара, Бориса Полевого и Николая Подкопаева? И разве не повторяем мы и в радости, и в горе любимые строки Маяковского и Габрицкого, Тихонова и Луговского, Асеева и Светлова?!

Можно ли говорить об отрицании искусства сегодня, когда на свежем газетном листе мы впервые прочли последние главы «Поднятой целины» Михаила Шолохова и поэмы «За далью — даль» Александра Твардовского — произведений, которые войдут в золотой фонд советской литературы! Разве Давыдов и Нагульнов не заняли в сознании народа такое же место, как Рахметов и Павел Власов, как Чапаев и Павел Корчагин! И разве не встанут рядом с крылатыми словами Маяковского из поэмы «Хорошо!» строки о Родине из заключительных глав поэмы «За далью — даль»:

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве,
И в нашем времени видней.
На ней огнем горят отметки,
Что по коленью моему
Светили с первой пятилетки,
Учили сердцу и уму...
Все дни и дали в грудь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся — моя, моя, моя!

Можно ли говорить об отрицании искусства в то время, когда наша страна ведет развнутое строительство коммунизма! Ведь коммунизм — это не только изобилие материальных благ. Это расцвет человеческой личности, это несметные духовные богатства. Это и воспитание человека будущего. Воспитание норм коммунистической морали — душевной щедрости и открытости, самоотверженности и принципиальности. Это и эстетическое воспитание.

Здесь роль литературы огромна. Она призвана формировать духовный облик сегодняшних и грядущих поколений. Недаром Н. С. Хрущев называл советских писателей верными помощниками партии.

Разумеется, наши писатели смогут выполнять эту роль лишь в том случае, если будут рассматривать как свою первоестепенную задачу, наряду с повышением идейного уровня произведений, повышение художественного мастерства. Высокая требовательность к себе, неустанная жажда оттачивать свое писательское зрение, постоянная готовность «изводить, едино-

го слова ради, тысячи тонн словесной руды», — без этих качеств нет и не может быть настоящего литератора. И тут опять нельзя не вспомнить

«Выучка, техника — великое дело...»
Этой жестокой, беспощадной требовательности, доходящей подчас даже до придиристичности, до несправедливости к себе, должен учиться у Горького каждый советский писатель. Нужно постоянно помнить этот горьковский завет: выучка, техника — великое дело.

Нельзя терпеть, когда дурные ремесленнические поделки выдаются за подлинное искусство, когда страстность и эмоциональность заменяются пошлой сентиментальностью, когда эпитетное прикрытие верностью традициям, а формалистическое шуткарьство прикидывается новаторством. Современность требует, чтобы героические деяния советского народа нашли достойное художественное воплощение, чтобы книги, создающиеся сегодня, оставались в вехах не только как правдивые документы эпохи, но и как бессмертные памятники искусства.

СЕГОДНЯ открывается объединенный пленум правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения Союза писателей РСФСР, в повестке дня которого стоит один, кардинальный для современного литературного процесса вопрос: «Писатель и время». В творческих спорах, в атмосфере принципиальной товарищеской критики, обсуждая произведения прозы последнего времени, участники пленума будут говорить о том, как еще лучше, еще сильнее и более ответственно выполнять важнейшую задачу стоящую перед нашей литературой сегодня. Суть этой задачи можно сформулировать кратко: героическое время требует героического слова.

Леонид Ильич Брежнев

Леонид Ильич Брежнев родился в 1906 году в городе Днепродзержинске, Украинской ССР, в семье рабочего-металлурга.

С 1921 года он начал свою трудовую деятельность. Работая на производстве, одновременно учился и в 1927 году окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в городе Курске.

С 1927 по 1930 год Л. И. Брежнев работал на Урале землеустроителем, заведующим районным земельным отделом, заместителем председателя райисполкома, заместителем заведующего областным земельным управлением.

В 1931 году Л. И. Брежнев поступал учиться в Днепродзержинский металлургический институт. По окончании института он работал инженером на металлургическом заводе имени Дзержинского.

В мае 1937 года Л. И. Брежнев избирает заместителем председателя Днепродзержинского горисполкома. Затем он работает заведующим отделом Днепродзержинского облисполкома, а в 1939 году избирается секретарем Днепродзержинского облисполкома КП Украины, где и работает до начала Великой Отечественной войны.

Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев и К. Е. Ворошилов выходят из Большого Кремлевского дворца после заключительного заседания Пятой сессии Верховного Совета СССР.

В РЕШЕНИЯХ СЕССИИ — ВОЛЯ НАРОДА

7 мая был последний день работы Пятой сессии Верховного Совета СССР.
Верховный Совет постановил: одобрить деятельность Совета Министров СССР как в области внутренней, так и в области внешней политики.
Огромный интерес у всего советского народа и общественности зарубежных стран вызвало заключительное слово товарища Н. С. Хрущева, которое транслировалось по радио и телевидению. Коснувшись внутрихозяйственных задач страны, в частности индустриализации строительства, Н. С. Хрущев затем подробно рассказал депутатам об американском самолете-разведчике, сбитом ракетой над территорией нашей страны, и о летчике-шпионе, захваченном советскими людьми. Н. С. Хрущев показал депутатам фотодокументы, изобличающие провокаторов. «Пока, — сказал в своем заключительном слове Н. С. Хрущев, — мы расширяем этот агрессивный акт с американским самолетом, нарушающим нашей границы, как желание взвинчивать нервы, оживить «холодную войну», оживить дохлую войну. Пока это еще не подготовка к войне, к войне сегодняшнего дня. Но в этом провокационном и агрессивном акте заложена подготовка войны в будущем. Вот почему мы с такой решимостью разоблачаем подобные агрессивные действия».

Сессия приняла законы и постановления — об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих, об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами, о завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день и другие.

ТАК ГОВОРЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

МИТИНГ — дело эмоциональное. Надо выйти и выложить с ходу все, что на сердце. А это не так просто. Русский рабочий семь раз мерит — один раз режет.

На общеобластном митинге бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского металлургического завода Борисов был, как и все другие, немногословен. Говорил лишь то, в чем твердо уверен, что продумано, прочувствовано. Благодарил Никиту Сергеевича Хрущева за неутомимость в деле борьбы за мир. Благодарил партию за отеческую заботу о благосостоянии народа: «Мы так выросли, что стало возможным отменить налоги с населения. Интонация голоса стала гневными, когда речь пошла о тех, кто хочет помешать нам».

— Это безумие — играть атомными и водородными бомбами. Жизнь человеческая — не лотерея.

Слесари-сборщики сменили на трибуне инженер-конструкторского бюро В. Полищук.

На заботу партии о нас конструкторы тепловых турбин уже достойно ответили и продолжают отвечать делами. В сжатые сроки был закончен рабочий проект паровой турбины мощностью в 300 тысяч киловатт. Досрочно завершается технический проект сверхмощной турбины в 800 тысяч киловатт и эскизный проект машины в миллион киловатт.

С митинга иду с незнакомыми девушками. Рабочий день (семичасовой) кончился. Завод наполнился оустом. Одна из моих спутниц говорит, ни к кому не обращаясь:

— Неужели сможет еще начаться война?
Вторая, вся в белых локонах, совсем молодая, отвечает почти раздраженно: — Что война — бандиты людей на смерть шлют в мирное время. Доказать что-то хотят.

Я взяла под руку эту незнакомую девочку в локонах, и она не удивилась, даже не подняла на меня глаза. Все люди, которые шли сейчас рядом с ней, были ее друзьями. С каждым можно было разговаривать, как с родным.

Как изменилось время! Каким миролюбием проникнуты даже гневные слова девушки! Куда пропали ожесточенность и жесткость суждений военных лет! Хочется дружить со всеми простыми людьми всего мира. И если уж мы, больше всех потратившие сил и крови на войне, миролюбивы и добры в мыслях, то как же не хочется войны простому американцу, которому и ожесточаться-то не на что, у которого и дом цел, и семья в целостности.

...Так всегда бывает в деловом производственном Ленинграде — вечером начинается телефонный обмен мнениями. Звонит ко мне вальцовщик, он же молодой поэт Василий Захаров. Начинается разговор с полусушного упрека:

— Вы как-то разругали мое стихотворение. Помните? О том, как некий молодой человек поднимал с полу три копейки. Говорили: зачем из-за такой мелочи писать стихи! Ну, не поднимал — и не надо. Помните? Я вам поверил и отложил стихи. А как теперь думаете, надо ли поднимать три копейки? — шутит он.

Да, я в самом деле когда-то ругала это стихотворение. Подумай, кто-то не поднял три копейки! Ругать за это — значит обнародовать мелочность своей натуры.

Сейчас дело представилось в совсем ином свете. Как любит говорить Павел Куприянович Долгий, главный бухгалтер Металлического завода, люди стали порой забывать, что копейка рубль бережет. С ним, крупным финансовым работником, теоретиком и практиком своего дела, был у меня длинный раз-

говор. Разговорились о сумме, которую платит коллектив завода в виде подоходного и «бездетного» налогов. Через пять лет деньги эти перейдут в личный бюджет трудящихся.

А еще Павел Куприянович крепко сетовал на нелегкую долю финансовых работников. Очень радостно, что через несколько лет объем работы у бухгалтеров сократится. Но Министерству финансов следует крепко подумать о заупрежденности самой структуры бухгалтерского дела, об упрощении методов расчетов.

Вот еще звонит телефон, и очень знакомый голос — голос хозяйки в моей собственной семье — говорит:

— Я задерживаюсь на заводе. Почему? Да, честно говоря, без особых деловых причин. Просто сидим тут в бюро и говорим о сессии. Ведь так много нового, знаменательного!

...Я не успела дописать последних строк моего репортажа, а город был уже взволнован заключительным словом Никиты Сергеевича Хрущева на сессии Верховного Совета. Люди высказывали на травах и автобусах, чтобы аммиак в толпу у ближайшего радиопула. Я тоже слушала, волновалась, удивлялась и думала. И я вспомнила ту славную блоковую мою спутницу, которая негодовала на поджигателей войны, посылавших своих людей на смерть. Но американский летчик не погиб, не покончил жизнь самоубийством. Наниматели могут купить чужой труд и чужую совесть, могут оплатить преступление, но принудить отдать жизнь — с этим не в состоянии справиться даже доллары. Люди, способные жертвовать жизнью, должны, видимо, иметь при себе не золото и не отравленную булавку, а нечто совсем иное, чего не в силах иметь ни один наемник!

Наталья ГРУДИННИНА
ЛЕНИНГРАД (По телефону).

Н. РАЗГОВОРОВ

Про озон и Пентагон

Обнаружил Пентагон в атмосфере газ озон. И, по мнению Пентагона, Слишком много в ней озона. Всполонились в штаб-квартире Генеральские чины: Что-то миром пахнет в мире, Мало запахов войны. Сморщен нос у Пентагона, Водит носом Пентагон: — Где источник озона? Воздух кем оздоровлен? Сообщает Аллен Даллес Перед сборщиком вока: — Мы в разведке догадались, Разузнали, что и как. Над Кремлем такие звезды, Что они уж много лет Очницают в мире воздух, Излучая мирный свет. Мы свою готовим меру, Чтоб озон искоренить: Нужно срочно атмосферу Духлой крысой отравить. И летит шпион-пролаз, Незаметен, ловок, мал, И летит невидный глазу В небе спрятанный комар. Но советская ракета, Наших спутников сестра, И за двадцать тысяч метров Попадает в комара! Мы стоим за воздух свежий, Свежий воздух нужен всем, Кто на мир равные держит, Без различия систем. Но для этого полезно, Чтобы в памяти свежи Были судьбы тех, кто лезет К нам, за наши рубежи.

Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина Торжественное заседание, посвященное 15-летию победы над фашистской Германией. Отчет о торжественном заседании публикуется на 2-й стр.

Фото М. Трахмана

В ЧЕСТЬ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ

В ослепительном сиянии огней зал Дворца спорта в Лужниках. В глубине сцены — портрет основателя Коммунистической партии и Советского государства великого Ленина.

Здесь сегодня собрались генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота, представители партийных и общественных организаций столицы, деятели науки и культуры, рабочие и служащие предприятий и учреждений Москвы, колхозники столичной области.

Горячими аплодисментами были встречены занимающие места в президиуме товарищи А. Б. Аристов, Д. И. Брежнев, К. Е. Воробьев, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, М. А. Мухоматов, Д. С. Подъянский, М. А. Суслев, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, маршалы, генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Торжественное заседание открывает председатель Исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся Н. И. Бобровников.

С большим подъемом собравшиеся изобретают в почетный президиум заседания. — Президиум ЦК КПСС.

Слово для доклада о 15-летней победе над гитлеровской Германией предоставляется Министру обороны СССР, Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому.

В начале своего доклада тов. Малиновский подчеркнул, что 15-летие этой всемирно-исторической победы над гитлеровской Германией советские народы и все народы мира празднуют как день освобождения от угрозы порабощения, которую нес им немецкий фашизм — злейший враг человечества, демократии и прогресса.

Победа над Германией была одержана совместными усилиями народов Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции. Однако советские люди по праву гордятся тем, что главную и решающую роль в разгроме германского им-

периализма сыграл советский народ и его славные Вооруженные Силы.

Коммунистическая партия подняла советский народ на Великую Отечественную войну против немецких захватчиков. Несокрушимой единой стеной на пути врага стали армия и народ.

Тов. Малиновский говорит о славных победах советских войск. Война была перенесена на территорию противника и оккупированных им стран Центральной Европы. Советская Армия оказала решающую помощь патриотическим силам Польши, Чехословакии, Албании и Югославии. Уничтожение отборных группировок гитлеровских войск изобило Румынию, Болгарию и Венгрию от господства фашизма.

Тов. Малиновский говорит о тех огромных потерях и разрушениях, какие понесла наша Родина в Великой Отечественной войне.

Мы скленим свои головы перед миллионами советских патриотов, героев и героинь, отдавших свои жизни в самоотверженной борьбе за свободу и независимость своей Родины, за счастье нашего народа.

Победа Советского Союза в минувшей войне, отмечает министр обороны, — результат твердого и правильного руководства народом и армией Коммунистической партии. Лучшие свои силы отдала партия Красной Армии и Флота. Только в первом году войны партия направила в ряды Красной Армии до миллиона коммунистов. К концу войны в армии и на флоте насчитывалось до трех миллионов членов и кандидатов партии — почти 60 процентов всего ее состава. Героическую борьбу на фронте и в тылу вел славный Ленинский комсомол.

Тов. Малиновский говорит о том, как буржуазные идеологи стараются приуменьшить роль Советского Союза в разгроме гитлеровских агрессоров. В ряде случаев чрезмерно преувеличивается значение второго фронта, открытого союзниками в Европе. Однако хорошо известно, заявляет тов. Малиновский, что он был открыт после того, когда

события повернулись так, что если бы союзники опоздали до нашей войны могли бы оказаться не только в Берлине, но и дальше.

В фальсификации истории второй мировой войны активное участие принимают реакционные деятели Англии и Соединенных Штатов. Смысл их статей: они заключаются в том, чтобы обидеть немцев ревизионистами, реабилитировать провалившиеся планы антивоенного похода. Нет нужды полемизировать с авторами подобных «исследований». По поводу их измышлений можно сказать только, что если мы раньше разгромили всемирную империалистическую огромную гитлеровскую военную машину, то теперь неизмеримо возросло, мы разгромим фашистскую гадюку прежде, чем она успеет извести свой народ.

Мы празднуем 15-ю годовщину победы над фашизмом, продолжая марш, в необычайно радостных условиях. Решения XXI съезда КПСС возбудили наш народ на новые героические дела.

С глубоким удовлетворением и большой патриотической гордостью восприняли советский народ решения Пятой сессии Верховного Совета СССР, направленные на укрепление экономического могущества Советской Родины и повышение народного благосостояния. Не за горами уже то время, когда Советский Союз будет иметь самый высокий в мире уровень жизни народа.

Говоря об обеспеченности Советских Вооруженных Сил атомными и ракетными средствами, тов. Малиновский указывает, что наши замечательные конструкторы, ученые, инженеры не починают на лавах. Они усердно работают и обеспечивают нашу оборону еще более совершенными и грозными образцами оружия и боевой техники. Однако, несмотря на свое военное превосходство, Советский Союз никому не угрожает.

Народы мира ждут, что на совещании глав великих держав, которое начнется через несколько дней в Париже, будут приняты согласованные решения, которые укрепят мир. Советское правительство делает все, чтобы оправдать эти надежды. Последние же шаги западных партнеров по совещанию, как отметил Н. С. Хрущев, дают пока мало оснований для надежд на то, что правительства западных держав действительно ищут решения важнейших вопросов, осложняющих международные отношения.

Тов. Малиновский останавливается на подробностях, связанных с полетом американского воздушного шпиона. Под бурные аплодисменты собравшихся он заявляет:

— Мы твердо вам отвечаем, господа американские империалисты, — нет, не будете вы летать над нашей землей. Мы вам не Гватемала, не Турция, не Южная Корея. Мы сбивали и будем сбивать всякого, кто посягнет нарушить наше воздушное пространство, и примем все меры, которые найдем нужными для защиты неприкосновенности наших государственных границ.

Мы предупреждаем и страны, — союзницы этого злодеяния, которые предоставляют свою территорию и аэродромы для полетов таких самолетов-шпионов в пределы нашей страны, — одумайтесь, пока не поздно. Теперь летит настолько совершенная, что безошибочно показывает нам, с каких аэродромов влетают нарушители, мы вправе принять любые меры в этом случае против этих баз и аэродромов и можем снести эти базы, так что от них ничего не останется.

Советский народ может спокойно смотреть в будущее, смело идти по наработанному партийными путями строительства коммунизма. Овеянные славой исторических побед, Советская Армия и Флот бдительно охраняют свою любимую Родину, свой народ, мир и безопасность во всем мире.

С огромным воодушевлением участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Воодушевающим моментом явилось появление в зале знамени Победы. Его на сцену, на которой в эту минуту был спроецирован рейхстаг, пронес через зал Герой Советского Союза М. А. Егоров, водрузивший в честь со своим боевым товарищем Героем Советского Союза М. В. Кантария 30 апреля 1945 года это знамя над цитаделью фашизма.

К ЧЕМУ ПОЗОРИТЬ ЗВЕЗДАНЫЙ ФЛАГ?

Я ДУМАЮ, что некоторые военные деятели в США ныне вполне заслужили награду гитлеровским «железным крестом» со звездой. Фашистские методы отмечаются только фашистскими знаками.

Все человечество ощутило теплоту надежды, когда Н. С. Хрущев от имени Советского правительства внес предложение о всеобщем разоружении.

Никогда человечество не было так близко к тому, чтобы навечно уничтожить опасность возникновения войн, как ныне.

И вот в канун совещания глав правительств американский самолет совершил бандитский налет на нашу страну. Когда об этом разоблачили поступил Н. С. Хрущев сказал на сессии Верховного Совета, депутаты — высокие представители советского народа произнесли единодушно: «Позор!». Да, позор тем, кто опозорил Америку этим гнусным актом. И надо думать, народ Америки не простит тех, кто так бесчестит ее звездное знамя.

Пиратское вторжение американского самолета окончилось тем, чем должно окончиться любое вражеское вторжение на нашу землю. Советские Вооруженные Силы выполнили свой долг. С первого же выстрела ракетой.

И мы, будучи сильны, как никогда, хотим, чтобы мощь государств измерялась не оружием смерти, а лишь тем, что служит жизни. Поэтому советские люди ответили на акт агрессии одним словом: «Позор!».

Майор американской авиации Клод Роберт Изерли, который сбросил по приказу Трумэна атомную бомбу на

Хиросиму, сошел с ума, потрясенный своим поступком.

Возможно, Пауэрс и не знал, что означал его налет для всего человечества. Теперь он узнает. Но мы вовсе не хотим, чтобы он сходил с ума. Он — пылинка, которую дули некоторые деятели в США, рассчитывая, что, попав в глаз советскому народу, она ослепит его гневом.

Нет, господа, вы ошиблись. У того, кто силен, больше спокойствия. Мы не собираемся ни угрожать, ни пугать. То есть пугать ракетами, угрожать бомбами. Мы напали на вас другим — и гордимся этим. Законали, мымаем налоги со своего народа, что сокращаем рабочий день. Наш рубль становится все весомее и весомее.

Вы проигрываете, господа, в мирном экономическом состязании с нами. Но стоит ли вам бегствовать, сходить с ума от этого, пускаться на провокацию? Ведите себя прилично. Не суйтесь в чужой дом, где всех незваных встречают так, как они заслуживают.

Вы нанесли бесчестие флагу США позорным разбойным актом. Мы убеждены, народ Америки не простит вам этого. Но то чувство дружбы и доверия, которое советские люди испытывают к американскому народу, вам не удалось смрачить — даже черной провокацией. Надеемся, что семьи погибших американских воинов во второй мировой войне и американские ветераны войны разыщут где-нибудь в хлам трофейные немецкие фашистские ордена и отшлют их тем, кто повинен в совершенной провокации, такая «награда» будет справедливой.

родам нужен мир, что «холодная война» остерегается, что перед нами открываются почти неизбежные возможности для культурного сотрудничества и что водородная бомба должна быть уничтожена.

И мне горько и обидно знать, что в то время, как мы с вами ведем разговоры, спорим, соглашаемся, снова спорим, уславливаемся о взаимных визитах, об обмене статьями, делаем реальные шаги к тому, чтобы наши народы лучше поняли и узнали друг друга, — в это самое время старший лейтенант военно-воздушных сил вашей страны Фрэнсис Гарри Пауэрс получает шпионские инструкции, засовывает в карман бесшумный пистолет и выверяет приборы, которым предстоит фиксировать высоты с двадцатикметровой высоты в полете над территорией СССР.

Эмоции, может быть, и не вполне уместны, когда речь идет о столь холодно рассчитанном провокационном акте. Но я не могу не напомнить, что бандитский полет американского самолета над советской землей происходил в день Первого мая над толпами советских людей, радующихся, что приходит конец «холодной войне», людей, над которыми реяли плакаты с написанным на них словом «Мир».

Вы, писатели, философы, журналисты Соединенных Штатов, не должны остаться безучастными к преступлению вашей военизации. Ведь она позорит и вас, объективно представляя вам роль, которую вы должны играть в советском небе! Быть может, чувство справедливости и собственного достоинства заставит вас выразить гневный протест тем высокопоставленным американцам, которые не считают со столь недвусмысленно выраженной волей к миру и дружбе миллионов ваших соотечественников?

Что же касается нас, советских людей, чье доверие, чьи надежды на мир и дружбу с Соединенными Штатами были так грубо оскорблены, то мы тем не менее останемся верными своим главным намерениям, своей вдохновляющей мечте.

Мы будем бороться за мир. Всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами мы будем сбивать самолеты, появляющиеся в советском небе с враждебными целями. И в то же время мы будем продолжать делать все от нас зависящее, чтобы мир и дружба между народами восторжествовали на земле!

Александр МИХАЛЕВИЧ

ЕСЛИ верно понять и оценить острую моральную проблему, вставшую перед нами, то, взяв в руки вторую книгу «Поднятой целины», уже не ограничимся тем, что вслед за авторами первых статей об окончании романа скажем: «Художник исполнил свой долг».

Художник-то выполнил свой долг, а как исполнил его мы с вами — читатели этой давно ожидаемой и необычной книги? И как мы будем действовать, поступать, жить после прочтения ее? Если только так, как жили и поступали раньше, то... стоило ли и книгу писать, и читать ее?

Не может настоящая, выстраданная автором книга не вметаться в наши споры на быстрине жизни, не задевать в одном человеке одних струн, в другом — иных... Живые ли картины недавнего прошлого захватят в романе ваше воображение, судьбы ли героев увлекут вас, или покорит прелесть художественных описаний природы, или доставит наслаждение щедрость и сочность народного языка, — за всем этим останется что-то, может быть, самое главное, о чем надо подумать, как припрятать к себе и окружившим, закрывая книгу...

Меня всего хочется пожелать шолоховскому роману чересчур «быстро» успеха. Ныне читатель навостривший «проглядывать» книги: вот как, не дай бог, кое-кто, не разжевав, проглотит и новую «Поднятую целину», успеет перебраться со знакомым «Ну, как?» «Здорово!» «А по-моему, в первой книге — здоровее было». «Что ты, что ты!» «Нет, правда, со Шукраем — уж чересчур». «Переславлюсь. А по-моему, нет...» и перешли к текущим делам...

Но, разобравшись, — как раз многие «текущие», жгучие дела (не вдаваясь в данный случай в большие и очень долгие литературно-философские категории) особенно интересно и поучительно выжуются с этой книгой, где на поверхности события как будто уже

Писатель А. Михалевич продолжает разговор, начатый им в статье «Спор на быстрине» (см. «Литературную газету» от 9 апреля).

Дни литовской поэзии

Антанас ИОНИНАС

Теофилис ТИЛЬВИТИС

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Бескрайней степью
Сердце распростерлось.
Идешь, идешь,
Пространством обуй...
Что там?
Быть может, горизонт
схватив
за горло,
Преступником
Скрывается туман?
А может быть, сверкает
огонек,
Зовет меня за ставнями
простыня?
А может быть, скрипит,
Скрипит песок
Тяжелую беседою пустыни...
Ты океаном, сердце,
Предо мной —
Плыть, плыть,
И берегов не видно,
Ты ищешь их
За каждой волной,
И без родных
Так тяжело и обидно!
А может быть, попутный
ветер добрый
Плещущий остров
Где-то отыскал.
А может быть,
Ломая судно ребра,
Он разобьет его
у мрачных скал?..
Люблю буждаться
Простором
взбалтаченным,
Путями новым!
Я грежу до сих пор.
Любые дали
Смелыми изучены,
Но что ни сердце —
То другой простор!

Перевел М. СВЕТЛОВ

ВИНДАС МИКОЛАЙТИС-ПУТИНАС

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Солжет, кто снажет, будто с юных лет
Я не любил тебя, не жил твоей судьбой.
С тобой встречал я сумрак и рассвет,
И каждый современный мой обет.
И все мои мечты тебе вверял тогда,
По рошам и дугам в раздлинный блуждая.
Теперь, когда горит на западе закат,
Я к матери к тебе прильну, как много лет назад,
И вняв кривой моей прищипке, как бывало,
И радуюсь тому, что выполнено мной,
И сестрою о том, что от мечты иной
Уже следа не стало.
Мне вспоминается угромята пора
И ураган в ночи, и утро золотое,
Когда проснувшись ты мною, чем вчера,
Не жалкою рабой, не робкой сиротой,
Чтоб жить и соиздать, — ты с нами навсегда,
Вдыхаю полной грудью воздух свежий!
Простор полей не расквасит межи.
Ты — волная! И нас в родном краю
Не стерегут лихорадки и неврозды.
Тебя, как равную, зовут в свою семью
Освобожденные народы.
Как хорошо в полях бродить, когда
Их бурлит ветром предутренние зори
И жито колышется, как море!
До самой смерти бордвоставь с тобой,
С тобой делиться, чем душа богата!
Меня, как мать, возрастала ты когда-то,
Ты мне приходишь на помощь в час любви.
И я не знаю лучшего удела,
Чем всей душой, всем сердцем понимать,
Что ты идешь путем, каким хотела,
Моя земля, моя родная мать!

Перевел М. ПЕТРОВЫХ

ДОБРЫЙ ХЛЕБ

Эту речку звали ласково: Святая.
Бором оторочена, убрана шеском...
Хлеб преподнесла мне девочка
простая,
Голову украсила мне ржаным венком.
Хлеб я взял из рук ее,
А на нем сияет
Незаметным солнцем красная звезда.
Дети улыбаются, дружно приглашают:
— Заходите гостем дорогим сюда.
Мне такой сердечности видеть не
пришлось!

Снова с детворой повстречаться мне б,
Чтоб стояли снова сто светелыхось:
— Кушайте, пожалуйста! Это —
добрый хлеб.
Свежий хлеб священный! Ломти полев
Он наполнен медом, тмином в себе
хранит,
Хлеб, не отдающий гнетимым потом
пахаря,
Хлеб без острой горечи дыма и обид.
Я несучу буханку с красною звездой,
Корочку волшебную откусить я рад...
Милая, спасибо! Хлеб всегда со мною,
Пусть он недопечен, пусть он
кисловат, —
Правильно слова мои ты пойми,
красавица,
Протяни доверчиво теплую ладошку...
С нашей буханкою печи не
управиться,
Ведь, как воздух, нужен ей большой
огонь!

Перевел М. СВЕТЛОВ

АЛЬФОНСАС МАЛДОНИС

ДОРОГА

Поля, как хлеб, что сахаром посыпан,
В дорожных колеях воды полно...
И узнавай, с оханием и скрипом
Телеги тяжело везут зерно.
Здесь крепкое слово поможет мало —
Нужна тут сила, чтоб волею толкать.
Что говорить — когда легко бывало
По целине дорогу пролагать?
А мы всегда в грядущее глядели,
И жили мы средь наших бурных дней,
И больше всех,

всех яростней хотели
Жить в настоящем ярче и полней,
Мы начинали с дел больших и
сложных,
Чтоб к нашей цели не плестись
шагом...
Что вязкость этой колес дорожной?
Ее-то мы в порядок приведем!
Нам не впервой. И это знает всякий,
Над нашей жизнью властвует порыв,
С которым
без дорог
мы шли в атаку
И строили дороги —
победами.

Перевел Н. КОРЖАВИН

ЭУГЕНИОС МАТУЗЯВИЧЮС

ПЕСНЯ И ЗВЕЗДЫ

За окнами — звездное небо ночное.
От мысли нахлынувших
Нет мне покоя...
Когда-то лишь в песне, в мечте
дерзновенной
Летал человек
К звездам — сияним и ясным.
Липей песни прокладывая путь во
Вселенной
И думал, что звезды лишь в песнях
не гаснут.

Живут, как мечты за далекою далью...
Так люди считали.
Так люди мечтали.
Нам тоже хватало тех звезд
Поначалу —
Звезд в сердце и в песне,
И в далах без края...
И мы их касались,
И их омывала
Высокого неба волна голубая.
Но были те звезды
Липей, мечтою.
А фанки
Впрямь их коснулись рукою!
И вот уже,
Скорость свою разгнав,
С землей поднимаются выше и выше
Созвездья, где мысль воплотилась
живая,
Что нашей мечтою и верою дышат.
И в них воплощаются давняя сила,
Которую прежде лишь песня храняла.

Перевел Н. КОРЖАВИН

1945 год. Парад Победы.

Фото М. Трахмана

Хищные ключи фашистских знамен
К камню прижаты солдатами нашими.

Не забывайте про этот поклон
Все, кто военные планы вынашивает.

Спор на быстрине

СЛОВО ХУДОЖНИКА И ДОЛГ ЧИТАТЕЛЯ

подернутого дымкой времени тридцати годов.

Совсем, совсем невелик тот пятючок, на котором разыгрывается действие в книге, — лишь один хутор в триста дворов, словно выхвачен из безбрежного житейского моря, и самого действия мало, меньше, чем в первой книге, и отрезок времени краткий — весна едва успевает смениться летом. Но, может быть, именно этой краткости авторского «самоограничения» достигнуто поразительное углубление в характеры, внутренний мир героев, до конца просвещена «людская середка» людей, внешне подчас неказистых, — и сколько же удивительного тайт в себе, как богата диалектика этой людской «середки»!

Иным ревизионистским лжецам на Западе или фальшивым «столпам» буржуазного литературоведения представляются очень важными отдельные приступы их презрения к человеку, их сногшибательные открытия — вроде того, что современный абсурд есть «ихеве хаоса», «человек абсурда», их убеждение в том, что темное, смутное, низкое начало неодолимо в людях, что на сцене истории нет народов, а есть только одиночки, и сама история лишена смысла.

Но что оставляет от всех этих открытий и построений даже один свежий том «Поднятой целины» — этот, из самой жизни вышедший, необыкновенно светлый глянц «непростому простому человеку», упорно восходящему к величайшим целям!

Ну, а для нас — в эту историческую эпоху, когда все более увеличивается в нашем обществе «человека», резко возрастает взаимное уважение достоинства друг друга, когда так ждем мы от молодежи, чтобы она богата душой, когда жарко спорим о «резерве номер один», стремясь быстрее растормозить, пробудить, выявить все человеческие возможности любого рядового труженика — для нас сущий клад эта и ве-

селя, и грустная, и колючая, и ласковая, и больше всего — мудрая и человечная, из живого ленинского, зерна выросшая шолоховская книга.

ЖИЗНЬЮ бит-пербит дед Шукраем, казалось бы, самый «несерьезный» герой романа, вытаскиваемый на большой свет из самых задворков быта, откуда, где неслась его жизнь «и наперекоски, и боком, и вверх тормашками». Что, казалось бы, можно почерпнуть из его неслучайной судьбы, бесчисленных веселых и горьковатых приключений, неудержимой и пустой, на первый взгляд, словоохотливости? Он сам о себе замечает как-то: «За длинную жизнь... думал, знает, — все на дырах, как старая портянка».

Но попробуйте после романа Шолохова пройти в жизни мимо такого Шукраем, не уважить его «не сразу заметного достоинства, не разглядеть в нем что-то больше, чем балагурство, то забавное, то жалостливое. Ведь знает Шолохов трех неведучего старика, знает, как легко «заводится» дед, как бесценен он перед собственными приступами словозвержения... И, однако, шедро приводит и пересказывает его бестолковые сны и бесчисленные приметы, споры со старухой, разговоры с козлом, соленые препирательства с цыганством Дубоносом, которого тоже «со смехом зачинали», словесные турниры с самим собой. Ради улыбки анекдота, развлекательности или красного слова это делается? Нет, очевидно, ради того, чтобы мы знали все об этом человеке — натуру, в конце концов, самой непосредственной в своей детности, — и чтобы, полюбив поверив тому, как скажем, убежден Шукраем, что в жизни «главное» жратвы ничего «нету» или что «жениться — не между нами», мы глубже, до конца поняли бы и то, как воспринимает и постигает Шукраем «непонятную» новую жизнь.

В конце концов, если можно и нужно отсчитывать время и веки нашего движения вперед, скажем, по решению пленумов ЦК и съездов партии, то истинную глубину, размах и смысл этого движения полностью не постигнешь и без того, чтобы понять и оценить, как и почему вот такой или иной Шукраем признается: «И под старость такой жадный стал до всего нового, что прозяло страсть». С улыбкой читаешь о том, как Шукраем слушает радио, или как мечтает проехаться на велосипеде, или вдруг обнаруживается желанием... пройтись с нарядной одеждой девушкой под ручку — никогда в жизни не доводилось... Но все эти черточки подготавливают нас к тому очень серьезному, что заключено в его грустной по тону и резкой по смыслу реплике Нагулькову во время внешне несуровой речи на партсобрании: «Значит, ты порядочный, а я нет?»

И вот «отдул» — отвод Кондрату Майданикову при разборе его заявления о вступлении в партию, который дает Шукраем, при всей внешней его смехотворности совсем не так потешен и наивен. За что, собственно, «дулит» Шукраем Кондрата? С чем сводит счеты? С прокладкой «нальню» по личной собственности, по индвидуальному хозяйству. «Б социализм ты вводишь, слезами уминаясь, а коммунизм как же ты заводишь?» — всемерно спрашивает Шукраем Кондрата. Вот его, если хотите, далекий преемник, и те взрывы хохота, которые сопровождают в одно и то же время и сурово обвинительную, и защитительную речь деду, — это драгоценный смех расставания с прошлым, провозглашения его в «Лету», это хорошая солидарность с человеком, успешный «уделюшка», что в партии нужны не «сдобняшки», а люди «веселые, живительные».

И когда на самых последних страницах романа прощается мы со Шукраем — страшно постаревший, горбящийся, он прожигает ночь на скамейке около могил бесконечно родных для него Давыдова и Нагульнова, вздыхает, крестится, плачет, признаваясь «будто двух родных сынов сразу потерял... И шепчет проклятое сердце день

Беспримерная провокация

ГЛЯДЯ на эти опубликованные в газетах фотографии — на этот бесшумный полет, на запас патронов, пакли денег, нож, специальную будлаву, — я испытываю противоречивое чувство.

Конечно, его можно было бы определить одним словом: «возмущение». Но нет, в данном случае дело сложнее.

В разгар «холодной войны», когда всевозможные провокации американской военизации были обычным делом, мы реагировали на них одним прямолинейным чувством возмущения.

Но сегодня... Сегодня, когда воспоминание о поездке Н. С. Хрущева в США живет в сердцах миллионов американцев, когда предложение и полное разоружение о всеобщем и полном разоружении овладело помыслами людей всего мира, когда тысячи граждан Соединенных Штатов — туристы встречают душевное гостеприимство на советской земле, а государственные и общественные деятели США в бесконечных речах кланяются в своей приверженности миру... Как сегодня мы должны оценить пиратский налет воздушного шпиона?

В первом разе, в первом, радостном день музей диверсий против советского народа пополнился новыми экспонатами со зримым клеймом «сделано в США»... Это позорно!

Сегодня разведывательный полет американского самолета над советскими городами вызывает не просто возмущение. Он вызывает сложное чувство горечи, презрения к лицемерам, обиды за американский народ, который обманывает, наконец, естественное недоверие к официальным заверениям американских руководителей.

Мне очень, очень хочется, чтобы простые люди Америки, чтобы американская интеллигенция поняли это! Я мысленно продолжаю тот диалог, который вел с десятками американцев на земле Соединенных Штатов и на советской земле.

Вы, вероятно, помните наши долгие беседы, господа Норман Казенс, Райт Миллс, Карл Сонберг, Эдвард Уинкс, Эрскин Колдуэлл, Арнольд Мармонт, Артур Сульцбергер. Все вы — известные и уважаемые в США люди, редакторы, писатели, промышленники. Нам многое раздвинуло и разделяет. Лишь в одном у нас не было с вами разногласий. Мы все сходились на том, что на-

Счастливого пути, Аленка!

НА СОРОКА трех журнальных страниц — где подробно, где в нескольких штрихах — судьбы людей, любовь, счастливая и несчастная, детство, юность, зрелое мужество и та настоящая работа про которую говорит: человек делает дело — дело делает человека.

Писатель избрал простой способ рассказать обо всем этом. Он свел очень разный люд в пропаленом кузове грузовой машины, идущей из целинно-го совхоза «Солнечный» за четыреста километров на станцию Арник. Способ старый. В скольких рассказах и повестях экспозиция ограничивалась одним рейсом грузовика (поезда, самолета, дилжанса). Что и говорить, тут у Антонова были превосходные предшественники.

Повесть вызывает ассоциации совершенно определенных. Сергей Антонов стремился написать свою «Степь». Это стремление так истинно, что на этих страницах «Аленки» хочется сделать пометку: «Сравни» — А. П. Чехов, «Степь», страница такая-то.

Можно спорить о том, обидели ли богатства Антонова столь ревнивая верность великому образцу. Думаем, в чем-то и обидели, потому что автору «Аленки» пришлось много вводить в заранее заданные рамки, и не все уместилось, и не всюду обошлось без потерь. В маленькой повести Антонова заключено, как бы спрессовано несколько повестей, и не маленьких. Это идет от несомненного богатства, но все-таки чувствуется, что авторская свобода обращения с «материалом» стеснена.

Правильно не прав был Антонов, строя «Аленку» так, как он построил, но при любом отношении к замыслу нельзя не видеть явных удач автора.

Прочтешь повесть и, может быть, ярче и ошутимее, чем многое виденное на самом деле, представишь себе запахи и краски казахстанской степи, ее звуки, начисто лишённые эха, словно предметы, лишённые тени; беркута, мерцающего крылом свои владения; водопой, где мохнатая казахская лошадь не пьет, а словно бы плещет воду бахатырными губами; песчаный вихрь, налетающий, как джин в мультипликационном фильме. И кажется, ты не читатель, ты увидел бы, увидев на складах своей одежды бахатырские стельки — были так сильно ощущены действительного путешествия.

Но обаяние повести не столько в этих вечных приметах степи, отменно увиденных и отменно описанных, сколько в приметах новых, небывалых, многое говорящих ум и сердцу.

Едут люди в кузове грузовика. Разговаривают. Вспоминают разные случаи. И читатель, слышащий их спокойные и вдумчивые голоса, вдруг оказывается причастным к их жизни.

Сергей Антонов. «Аленка». Повесть. Журнал «Новый мир», № 4, 1960.

«ОДУХОВЕННОЕ ЛИЦО МЕТАГАЛАКТИКИ»

Биопсихология, эллиптический парабол, электронно-мезонная форма души, анализатор, астроавиация... Это это за набор слов? Откуда он взят из научной статьи? Нет, откуда товарищ. Из повести А. Колосова «Гриша», которая влетает в Пшеницкая, правду, порывала своих юных читателей — ребята в возрасте 10—14 лет.

В тексте эти слова выдают так: «Но включением биокрана я видел, как мысли Уо спирально поднимались к небосводам, своим вершинам обобщенной и абстрактной. Или: «Одухновенное лицо метагалактики отразило мимолетный блеск мысли. Лучезарные глаза, устремленные в пространство, выдавали гигантскую работоспособность».

Остается повторить известные слова «О друг мой, Аркадий Николаич!.. не говори красиво». И непонятно, добавлю я от имени юного читателя.

И. НАЗИМОВ, кандидат педагогических наук

КИРВ

и ночь, и никакого мне покою от него нету! — должны мы подумать, что не так просто было Шукруму породниться с «дуроломом Давыдовым» и его непреклонным другом Макаром, и что в этой скорбной сцене торжествуют величайшие залоги жизни, и что навсегда заслужил себе глубочайшее уважение в истории Шукрум еще тогда, когда нашел в своей неутешной голове место для таких мыслей о Давыдове:

«Он часто говорит: «Я — рабочий класса». И с чего этот рабочий класс такой напористый? Ежли он затеет что сделать — будьте спокойны, он с тебя живой не слезет, а своего добьется!»

СИЛА ХУДОЖНИКА удивительна. Когда еще наша рыцарская тайну живого, создается «искусственный белок», но кто же усомнится в том, что шолоховские герои — живые, всамделишные? Так лепит писатель образ, так ошущивает и просвечивает человека, что не только замечать в нем, в этом человеке, «веселение», а еще и различить — добрая она, неприятворная или грубоватая, а ведь, кроме веселиния, есть и грустинка, и чужина, и хитринка, и глупинка, и фальшинка, есть столько современных страниц в человеческой жизни, которая, увы, пролетает со страшной и обидной быстротой...

Отличное противоядие против поверхностного, неглубокого, самонадеянного, механического, превозносящего похода к людям несет с собой эта книга. Человек — не тощая, обструктивная ветка, не механическая единица: «лишь ты человека любил чуждому, и будет он голый и скучный, как вот это индюшечко». И кто же доносит до Давыдова эту высокую истину? Тот самый Аржанов, которого многие в хуторе считают если не придурковатым, то простоватым. «Но он не прост, он, не прост!» — убеждает Давыдова. «...С детства залез в свою равнину и створки залопотал, вот и проникни и нему в душу...»

Скольким друзьям и товарищам, обделенным тем или иным доверием, — все равно, на колхозном, или комсомольском, или научном, заводском, партийном посту, — мы можем теперь от души посоветовать: переберите в памяти уроки Давыдова! Вспомните его «осечки», как назвал их еще один невидный хуторской человек, вечно на-

Илья ЗВЕРЕВ

ным в самой сердцевине сложной и смелой жизни целинного совхоза. Антонов обходится без восклицательных знаков, без богатых слов. И когда в конце повести какой-то человек на станции говорит о героях сразу все эти слова, они считают его чудачком. Это в их характере. Так сказала когда-то Паша Ангелина: не я выдающаяся дочь народа — это ерунда, а я дочь выдающегося народа — это правильно.

Вот — Василиса Петровна. На первый взгляд, тетка и тетка, полная наивных суеверий, говорливая, суматошная, хлопотунья, как клыча, то над кошелками и бидончиками, то над девочкой, доверенной ее попечению. Но писатель заставляет внимательно присмотреться и прислушаться, и вдруг открывается человек замечательный.

Оказывается, Василиса Петровна на старости лет поехала за тридевять земель от родного села на целину, считая дочкуну комсомольскую путевку обязательной и для себя. Не успела обосноваться в этой угромои, нежитной степи, как на нее обрушилось самое страшное горе: погибла ее дочь, почти девочка, «красавица... небогатая, нечелованная». И Василиса Петровна осталась в совхозе, зиму и лето без выходов возилась у плиты, чтобы кормить вечно голодных трактористов. И уже в машине, которая навсегда увозит ее с целины (великий доктор: «внутри жея износилась, сверху лопнула»), она ругается с главным механиком, который так никого и не послал заварить неисправную плиту в столовой: людям-то есть-пить надо!

Нельзя забыть подробности гибели Лизы, дочери Василисы Петровны. От этих подробностей перехватывает горло. Ее позвали и, бросив ложку, которую она ела свой полужидкий обед, Лиза выбежала из землянки, вскопала на коня и поскакала по степи, поспыла через речку, чтобы помешать своим лошадям съезть брошенное на дороге семенное зерно. И погибла...

Плотники не могли сделать ей настоящий гроб — не умели. И место для могилы не сразу смогли найти — вся земля вокруг поселка была распределена, и кладбище не предприняли. Здесь планировалась жизнь — смерть не планировалась.

А вот Лизина смена: худенькая, невзрачная Эльза Калыныч — зубной врач из Риги. Она отважно отправилась пешком за полтораста километров по безбрежной, лишённой примет степи, чтобы только не опоздать в дальний совхоз, к месту назначения, которое она сама выбрала (если можно назвать выбором пресбы: пошлите куда нужно).

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, большую жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал — мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может, без горячего, благодарящего душу первостепенного трудолюбия.

Все это надежные люди, положительные герои, на которых можно положиться. Но почему нет дежурного отрицательного героя, без которого, как давно установлено, вещь не может не быть пресной? Не бесконфликтна ли она?

Думаем, что эти вопросы не возникнут даже у тех искушенных читателей, которые знают, как положено писать и как не положено. Сергей Антонов не забрасывал литературный лот в глубины жизни, он жил в этих глубинах.

Писатель столько знает о своих героях, что ему уметь нет нужды специально характеризовать их с деловой, личной и общественной точек зрения. Он может выбрать несколько ярких штрихов из тысячи ему известных, и читатель все поймет, все почувствует. Читатель ведь предвзятого совсем иные требования, чем личный стол, — ему не нужен послужный список.

Приходит на память множество мастеровских найденных деталей, которые придадут повести покоряющую убедительность.

Щетинный, будто бы пухобок Устин Рыкалин, между прочим объяснявший Давыдову, что «он, народ-то, при советской власти свою гордость из сумудов достал...» и «никакой щетки не любит». Воспользуемся тем, как писатель разобрал, обмяк и «осечки» Давыдова, он этим и нас всех убергает и отражает от множества различных ошибок.

Но разве не смел, не энергичен, не честен, не предан всей душой партии коммунист, рабочий, матрос, двадцатипятилетний Давыдов? И смел, и умен, и энергичен, и честен, а народ еще умнее, коллективнее еще зорче, еще дальновиднее, и партия дает силу Давыдову для преодоления всяческих «осечек» и слабостей. Не шадит Шолохов самого положительного своего героя, не боится показать его и в те часы, и в таких положениях, когда даже внешне во всем его облик протупает что-то жалкое, когда Давыдов переживает «горькое чувство недовольства собой, злую досаду».

Да, это особые герои, «из каких фавос наружу не просится». Но не обманитесь уж слишком обыденными обстоятельствами, при которых говорит свою большую правду Шолохов, показывая, как богатает душой Давыдов, отважно и упорно решая самые замысловатые жизненные задачи. Внешне то — ничего мудреного: едет в бригаду Давыдов, возвращается в хутор, зашел в кузницу, встретился с секретарем райкома, помялся в словесной перепалке с Шукраем, перебрался в немногие фразы с Варюхой-горюхой, с бабами... Но из этого «будто бы «проездных» страниц мы и желаем можем вычитать такие сокровенные вещи и глубокие истины, которые, может быть, важнее всего в жизни и в работе.

ПЯТЬ любовским впечатлениями разрешу себе перебить, да и подкрепить этот ход мыслей... Представьте себе состояние автора этих строк, когда, рассмотревшись на Чижке и горько порадовавшись над трагической судьбой Вранки, я вдруг услышал от одного в общем энергичного, знакомого, но самоуверенного и несколько поверхностного отношения к людям областного работника запальчивый ответ на мою реплику: «необходимо лучше изучать, кто чем живет,

тельность... Шofer перед рейсом проверяет, не заснул ли кто под машиной (степь: тень дорог)... Аленкины учебники, переязычные электрическим шумом (откуда здесь взяты веревочки)... Традиционная арка «Добро пожаловать», через которую никто не ездит... Старый пастух, любующийся, как произведением искусства, цифрами, которые выводит палочкой на песке его громающий выук... Какао, пахнущее польнои, в столовой стемного горюда, и районная трибуна, с которой местные жители прыгали досни на более настоящие надобности.

Не все равно хорошо в повести. Мне кажется, напрасно введена в нее совершенно выдуманная история (скорее анекдот) о гомерических последствиях Аленкиного желания получить подрап пять двоек. Посудимся, когда читник во всем автор ядром «переживает», скажем, повторяя множество раз любимое выражение Степана: «Не уважаю я это», хотя читатель уже давно понял, что это его любимое выражение. Впрочем, таких упреков можно сделать немного.

Повесть называется «Аленка», хотя девочке в ней отведено как будто не больше места, чем ее спутникам. А название точное. Это не только повесть о девятилетней Аленке, едущей с целины в Рыбинск, — это Аленкина повесть. В ней чувствуется тот пронзительный взгляд на мир, которым одарено детство. Это повесть о путешествии на всю жизнь.

Вот встретился в степи подпасок-казак, гордый и бесстрашный мальчик, играющий в войскадом. И Аленка приняла его в сердце, мысленно выбрала его в товарищи на всю жизнь. Хотя «она знала, что больше никогда не увидит его, и ей было так же тоскливо, как тогда, ночью, когда гасли совхозные огни один за другим, словно перегора ли электрические лампочки».

И спутники ее, хотя девочка этого еще не знает, тоже товарищи на всю жизнь. Она их не забывает, она их любит, она их и помнит, и поет, что это были за люди, что они сделали для нее. Не зря товарищ Гулько, главный механик, которого все боится, серьезно и уважительно объяснял ей про сложности с этиловым бензином и про то, что шоферы опорожниют емкости ведрами. Слово отчитывался перед nasledней.

Не зря смотрела Аленка широко раскрытыми глазами на все вокруг и слушала про то, как погибла Лиза, и как два трактора не могли развезти в траншею, проорытой в глубоком снегу, и как доктор тетя Груня воевала за хорошую комнату для амбулатории, а сама безработно жила в землянке...

И в Аленке уже было что-то от ее спутников. Так Аленка поговаривала от важного человека, который мог приказывать всех садится, чтобы он уступил кабинку Насте с грудным ребенком. Она уже умела думать о других.

Спутники Аленки — обыкновенные люди, которых не отличишь в толпе, да и при близком знакомстве не сразу откроешь. Простые люди, никогда не относящиеся к себе слов «подвиг», «самоотвержение».

«А между тем... это люди, совсем не простые и очень необыкновенные, потому что живут не для себя, не для своей карьеры, а исключительно для народа, для будущего».

Счастлива тебе, Аленка! Помни, какие люди снаряжали тебя в путь!

Новинки

ОТ ДЕРЖАВИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Теперь все реже раздаются упреки в адрес литературоведов и критиков. Последние не только выдают «на-гора» больше и больше книг, — меняется сам характер их издания.

Недавно вышел сборник Д. Благого «Литература и действительность». В названии его точно отражены принципы подхода исследователя к явлениям русской литературы — будь то статья о Державине, обстоятельный разбор литературы XVIII века или наблюдение над романом «Тер Палый», — все это пронизано стремлением разобраться в закономерностях развития, в богатейшем опыте литературы прошлого, исследуя, как складывалась эта цельная, многогранная, волеволоманым этюдом «Идея» и мастерство «Судьба человека» М. Шолохова завершается эта цельная, многогранно написанная книга.

— психологию, жизненный путь, склонности и способности колхозных кадров: — Нам важны показатели, а не биографии! Да, да, именно так это было сказано, так делящиеся противопоставлено одно другому. Мол, это ваше дело, газетчиков литераторов, докапываться, какие у него склонности, «кто — любитель рыбной ловли, кто — охотник», кто что переживал, а нам подаяй дело, итоги, процент выполнения. Пусть, мол, писани расписывают качества, черты, штрихи человека, скажем, того или иного председателя, а мы, мол, больше себя забыли, чем вы только узнаете о людях, для нас все это дело привычное... Возгорелся, конечно, спор. Спор настолько жаркий и острый, что третье лицо в этой беседе, любящее, главным образом, ни к чему не обязывающую «словесную почесуху», в конце концов разнимать спорщиков под тем предлогом, что «вы оба за Советскую власть», и оно, третье лицо, даже не видит, собственно говоря, предмета спора...

Но спор этот, конечно, не потушить, он будет возникать, продолжаться, и с тем большей страстностью, чем серьезнее встает перед нами и хозяйственные, и моральные задачи, и чем нетерпимее для нас и потери Вранки, и любые несем, когда недоразрываются таланты людей, когда рядом дремлет, или без нас мимом чья-то энергия, когда остается под шумом или сбрасывается со счетов низовой опыт, сметка, «моральный запас» скромного работника, людей, почему-либо остающихся в тени.

Читайте, читайте, но хотя бы десятую главу второй книги «Поднятой целины» — она стоит многих томов, — говорю я сегодня своему оппоненту в споре, — послушайте с Давыдовым в кузнице на выучку к Шалому «и нейте терпение, желание и мужество до конца отдать себе отчет в том, что стоит за их неторопливой беседой и отнюдь не фразой, совсем не хвастливым убеждением кузнеца в том, что именно он «ответственный работник».

Конечно же, ответственный! И не только потому, что у него, кузнеца, «железное дело в руках». Приглядимся, как много обмякает мысль и сердце Ипполита Шалого, сколько у

герои среди нас

«Я не трус, поверьте! говорит племянник немецкий солдат. — Но как можно воевать, если мертвые стреляют?»

Замолкла сопка. Все убиты. Враг наступает. За минуту возвращается сознание к тяжело раненому лейтенанту, и он начинает стрелять. Враг растерянностью отступает.

Миленькая, хрупкая женщина — теперь она задрожит задох — во время войны, оказывается, была отважным водителем танка. А неприятная работница была еще совсем девочкой, когда ей пришлось лежать у племени, защищая родное село.

О таких героях рассказывает книга С. Глуховского «Добрая слава» (Воениздат).

О ДЕРЕВНЕ последних лет, — специализация, что поехали из города на село по призыву партии, написано немало и рассказов, и повестей, и романов. Сюжет многих из этих произведений схематично можно охарактеризовать так: городской специалист едет в отсталый колхоз, предварительно преодолев сопротивление жены или любимой девушки, которой не хочется покидать благоустроенную городскую квартиру. Приехав в деревню, он тут же вскрывает корень недостатков и вступает в борьбу со своим консервативным предшественником, а также со своим непосредственным — как правило, косым — начальством (председателем райисполкома или вторым секретарем райкома партии).

В этой борьбе он побеждает (при ненадежной помощи первого секретаря райкома или обкома) и быстро выводит руководимое им хозяйство из отсталых в передовые. Параллельно герой успевает встретить очаровательную молодую героиню, совсем не похожую на ту мешанку, которая отказалась с ним ехать на село, влюбляется в эту героиню, и все кончается как нельзя лучше.

Роман Александра Андреева «Грачи прилетели» своей сюжетной канвой в значительной степени повторяет эту схему. Правда, вначале кажется, что автор преодолевает инерцию схемы: главный герой романа Арбин, сравнительно молодой московский специалист, работавший в министерстве, приезжает в глушь, в отсталый колхоз не один, а с женой и сыном. Но... на другой же день после приезда жена Арбина, испугавшись неблагоустроенности деревенского быта, забрав сына, уезжает обратно, в Москву. Герой остается один, без подруги, без семьи, без поддержки. Его выбирает председатель колхоза: он энергично принимается за дело и спасает положение. Приходит к нему и любовь «из лица» красавицы-агронома Натальи Алгашовой.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомой? И да, и нет. Да, но власть уже установилась, сложившейся литературной схемы оказалась достаточно ценной, чтобы скопировать в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо дает себя знать стремление А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычками, примелькавшимися ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

Конфликт этот раскрывается прежде всего через образ Павла Назарова — наиболее интересный характер романа. Обшири и недостатки в организации сельского хозяйства, которые были допущены в послевоенное время, сказались не только на производительности труда, на урожайности и т. п. Они пагубно влияли на человеческие души. «...Промаша, ошибки, упущения в сельском хозяйстве из года в год подтачивают».

А. Андреев, «Грачи прилетели». Роман. Журнал «Октябрь», № 1, 2, 1960.

него наблюдательности, чепкости, доминантности, рабочей гордости, житейского резона, как верно он анализирует жизнь, как неотступен в достижении цели. Разве только за тем к Шалому идти, только о том его слушать, сколько чего стромитировано? Нет, тут не отделишь «показатели» от «биографии», не противопоставишь их легко мысленно.

И как же дорог кузнец читателю, когда именно он изобличает на партийном собрании, становится лицом к лицу с хитрым и подлым врагом Островным — убийцей собственной матери, бросаая ему в лицо: «Ежели ты, Яков Лукчи, не вступишь (в партию. — А. М.), стало быть, мыне надо вступать. А вот ежели бы ты нынче подаял явление, то я бы воздержался. Нам с тобой в одной партии не жить! Разных партий мы с тобой люди...»

Шолохов описывает после этого, как расстроен был весь народ единогласным принятием Шалого в партию, как вдруг особенно разглагольствовал секретарь ячейки — «железный» Нагульнов, так что Устин Рыкалин, изумленный неожиданно широкой, открытой, подлинно трагической улыбкой на обычно скептически суровом лице Макара, не мог не воскликнуть: «Гляньте, люди добрые, Макара-то наш похоже что улыбается! Первый раз в жизни вижу такую диковину!».

«Незабываемая сцена! Неловно тесная и толкаясь, четверо принятых в партию обмениваются рукопожатиями со всеми оставшимися коммунистами, и Нагульнов сначала в полную силу жмет руку Майданникову, называя его «братком», а потом крепко обнимает сутулые плечи старого кузнеца, желая ему стучать молотом на пользу Советской власти «ниш те сто», так как «от твоего должительства кроме приятности для людей ничего не будет, это я тебе верно говорю!».

ПОЭЗИИ И СИЛОИ чистого партийного братства веет со страниц этой книги, вот почему так интересны ее моральные позиции. Высокая дружба во имя великой цели, без взаимного прощения ошибок, без спеси и эгоизма, и с неистощаемым запасом человечности! Перечитываешь страницы, где ериштыи Давыдов встречается, спорит, шутит, даже бо-

новинки

«СТУДЕННЫЕ ЗОРИ»

Пускай вниманя в повторях, — опять стихов моих герой тот, кто надежно держит порох сухим, в полусмек, под рукой!

Так начинается одно из своих стихотворений недавний выпускник Литературного института Михаил Горбунов. Эта декларация относится не только к «Армейскому дневнику» (так называется раздел в его книге «Студенные зори», недавно вышедшей в Новосибирском книжном издательстве). И в стихах, посвященных сегодняшней Си-

бири, поэт верен своему любимому герою — радному славному армий труженику. Увидеть поэзию в последнем труде так называемых «простых людей», показать их значительность, их красоту — настоящая задача поэта. И те стихи Михаила Горбунова, где ему удается ее выплнить, заслуживают и оправдывают внимание читателя.

ПИСАТЕЛЬ-ЭВЕН

Николай Тарабукин — первый писатель-эвен, поэт, прозаик и художник. Опубликованным в 30-х годах, его произведения стали почти библиографической редкостью. Вот почему так интересно появившиеся сборники «Моя жизнь», изданного недавно Магаданским книжным издательством. В сборник вошли стихи и повесть Н. Тарабукина. Картины жизни тамных окраин, живущих в лабиринтах Индигирки, описание их старых обычаев, верований и обрядов — такова тема повести «Мое детство». Это автобиографическое произведение, рассказывающее о тяжелой и безрадостной жизни эвенского народа в прошлом, пронизано удивительным развитием и авторским чувством природы. Привлекают своей простотой, подчас изумительной свежестью и поэтическим произведением Н. Тарабукина, написанные свободным, без рифм, стихом.

Еще на том заседании правления, где Павла объявили виновником гибели молодняка, он заявил, что корма для скота во многом разворовали и что первый вор — Кокузов, заместитель Коптильников. Сказать — сказал, смело, откровенно, но доказательств у него нет. А они нужны. И автор присует такие полудетективные сценки: после нескольких ночей, проведенных в засаде, Павел, наконец, ловит «с подлым» Кокузова и «кладовщика Омутного, которые пытаются вывезти из амбара зерно».

После всего этого действительно развивающаяся некуда. Вскоре собирается бюро райкома партии, которое отменяет решение собрания об исключении Назарова из партии как неправомерное. Его вновь назначают зарекомендовавшегося фермой, а затем — по совету райкома — избирают парторгом колхоза.

Вообще, вся вторая половина романа написана, на наш взгляд, чересчур облегченно; она лишена внутреннего драматизма действия, описательства, информационна. Повествование расстается по отдельным рубчикам, и рубчики эти не сливаются в единый мощный поток.

А. Андреев хорошо понимает, что смысл работы таких людей, как Арбин, Назаров, — не только в том, чтобы поднять колхоз экономически, Арбин считает, что самое важное и самое трудное — «заставить человека поверить в себя, в неизбежную перемену жизни, в лучшее завтра, ради которого надо воевать сегодня. Возбудить страсть к деятельности — в этой цели нашей с вами работы и, если хотите, наши страдания...»

Возбудить страсть к деятельности... Этой мыслью руководствуется в своей работе Арбин. Эту же идею стремится донести до читателя автор. К сожалению, А. Андрееву не удалось раскрыть ее по-настоящему глубоко и убедительно. Во второй половине романа она получает выражение скорее иллюстративное, чем образно-художественное.

Создавая свой новый роман, А. Андреев, несомненно, шел от жизни, от своих личных наблюдений, впечатлений, размышлений. Он сумел разглядеть действительно значительный конфликт и интересно, остро его наметить. Но порой кажется, что впечатления эти не столько «сегодняшнего», сколько «вчера» дня, и что в развитии конфликта не хватает примет нынешнего этапа деревенской жизни. Кроме того, писатель не нашел своего, оригинального сюжетного решения, и многие из его наблюдений отгласило в привычные литературные формы и образы. Он попытается переосмыслить старую, попытается прорваться сквозь нее, вместо того чтобы просто нарисовать откровенно. И эта черствость, оторванность автора. Образы Прохорова и Коптильникова получились явно бледными; Арбина и Алгашовой — несколько более удачными, но тоже далекими от подлинной яркости и оригинальности. И даже буйный, могучий Павел Назаров не получил достаточно простора для того, чтобы развернуться во всю свою мощь.

В результате и правильная, благородная идея автора оказалась реализованной далеко не так, как хотелось бы. И это очень досадно.

Нет ничего выше вот этой гартийной чести — убеждает книга. Точно в цель ложатся шолоховские стрелы, когда, например, некоторые герои его книги сталкиваются с изданным мужским, или казачином, или другим традиционным сословно национальным самоником и говорят устами Макара Нагульнова:

«И особенно гордись своим мужичеством и казачеством. Наша партийная честь не в этом заключается... То и мужичество дело, куда пошел партия. Скажут мне, допустим, иди, Нагульнов, рубить конгре головы, — с радостью пойду! Скажут: иди подбивать каргошук, — без радости, но пойду. Скажут: иди в доярню, коров доить, — зубами скриню, а все равно пойду...»

И до Разметнова доходит это, и он в другом случае добродушно критикует себя: «Казак — у него ум назад», честно стремясь и добываясь, чтобы у советского казака ум во всем и всегда был вперед...»

Художественные аргументы Шолохова в споре за новое моральное богатство людей настолько серьезные, значительные, благородные, привлекательные, что они не могут не разжигать желания в любом литераторе в меру его дарования, своими средствами, в своем жанре — побороться за истину, «схватиться за человека».

герои среди нас

«Я не трус, поверьте! говорит племянник немецкий солдат. — Но как можно воевать, если мертвые стреляют?»

Замолкла сопка. Все убиты. Враг наступает. За минуту возвращается сознание к тяжело раненому лейтенанту, и он начинает стрелять. Враг растерянностью отступает.

Миленькая, хрупкая женщина — теперь она задрожит задох — во время войны, оказывается, была отважным водителем танка. А неприятная работница была еще совсем девочкой, когда ей пришлось лежать у племени, защищая родное село.

О таких героях рассказывает книга С. Глуховского «Добрая слава» (Воениздат).

О ДЕРЕВНЕ последних лет, — специализация, что поехали из города на село по призыву партии, написано немало и рассказов, и повестей, и романов. Сюжет многих из этих произведений схематично можно охарактеризовать так: городской специалист едет в отсталый колхоз, предварительно преодолев сопротивление жены или любимой девушки, которой не хочется покидать благоустроенную городскую квартиру. Приехав в деревню, он тут же вскрывает корень недостатков и вступает в борьбу со своим консервативным предшественником, а также со своим непосредственным — как правило, косым — начальством (председателем райисполкома или вторым секретарем райкома партии).

В этой борьбе он побеждает (при ненадежной помощи первого секретаря райкома или обкома) и быстро выводит руководимое им хозяйство из отсталых в передовые. Параллельно герой успевает встретить очаровательную молодую героиню, совсем не похожую на ту мешанку, которая отказалась с ним ехать на село, влюбляется в эту героиню, и все кончается как нельзя лучше.

Роман Александра Андреева «Грачи прилетели» своей сюжетной канвой в значительной степени повторяет эту схему. Правда, вначале кажется, что автор преодолевает инерцию схемы: главный герой романа Арбин, сравнительно молодой московский специалист, работавший в министерстве, приезжает в глушь, в отсталый колхоз не один, а с женой и сыном. Но... на другой же день после приезда жена Арбина, испугавшись неблагоустроенности деревенского быта, забрав сына, уезжает обратно, в Москву. Герой остается один, без подруги, без семьи, без поддержки. Его выбирает председатель колхоза: он энергично принимается за дело и спасает положение. Приходит к нему и любовь «из лица» красавицы-агронома Натальи Алгашовой.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомой? И да, и нет. Да, но власть уже установилась, сложившейся литературной схемы оказалась достаточно ценной, чтобы скопировать в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо дает себя знать стремление А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разглядеть за всеми этими привычками, примелькавшимися ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

Конфликт этот раскрывается прежде всего через образ Павла Назарова — наиболее интересный характер романа. Обшири и недостатки в организации сельского хозяйства, которые были допущены в послевоенное время, сказались не только на производительности труда, на урожайности и т. п. Они пагубно влияли на человеческие души. «...Промаша, ошибки, упущения в сельском хозяйстве из года в год подтачивают».

А. Андреев, «Грачи прилетели». Роман. Журнал «Октябрь», № 1, 2, 1960.

него наблюдательности, чепкости, доминантности, рабочей гордости, житейского резона, как верно он анализирует жизнь, как неотступен в достижении цели. Разве только за тем к Шалому идти, только о том его слушать, сколько чего стромитировано? Нет, тут не отделишь «показатели» от «биографии», не противопоставишь их легко мысленно.

И как же дорог кузнец читателю, когда именно он изобличает на партийном собрании, становится лицом к лицу с хитрым и подлым врагом Островным — убийцей собственной матери, бросаая ему в лицо: «Ежели ты, Яков Лукчи, не вступишь (в партию. — А. М.), стало быть, мыне надо вступать. А вот ежели бы ты нынче подаял явление, то я бы воздержался. Нам с тобой

